

«ВОСКРЕСШИЙ БЕЛИНСКИЙ»

ИЗ НЕИЗДАННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

Публикация Б. Козьмина

В конце декабря 1854 г. действительный статский советник Николай Иванович Греч, редактор-издатель газеты «Северная пчела», являвшейся, как всем в то время хорошо было известно, как бы рупором III Отделения — высшего органа политической полиции самодержавия, праздновал пятидесятилетний юбилей своей позорной «литературной» деятельности. С этим юбилеем Греч связывал много надежд и ожиданий. К его огорчению, они оправдались в очень скромной мере.

Прежде всего юбиляра огорчило то, что правительство не пожаловало ему к юбилею никакого ордена, который, как ему казалось, он вполне заслужил многолетней работой и не раз доказанной преданностью существовавшему порядку. Очевидно, высшими сферами его заслуги не были оценены в достаточной степени, и это, конечно, не могло не нанести весьма чувствительной раны его самолюбию.

Огорчило юбиляра и то, что среди лиц, почтивших своим присутствием его юбилей, оказалось гораздо больше чиновников различных ведомств и категорий, чем литераторов. Если не считать близких сотрудников «Северной пчелы» во главе со всеми презиравшим Фаддеем Булгариным, литература была представлена только известным писателем В. Ф. Одоевским, присутствовавшим на юбилее, так сказать, по должности (он состоял помощником директора Публичной библиотеки, почетным членом которой являлся Греч), и несколькими литераторами, занимавшими весьма скромное место в литературе. Отсутствие более видных писателей, конечно, не было случайностью: в этом сказалось презрение, с которым относились к юбиляру тогдашние литературные круги. Юбилей и насмешливые отклики на него большинства органов прессы не оставляли никакого сомнения в том, что Греч стоит уже вне литературы.

В довершение всех неприятностей Греч в самый день юбилея получил анонимное письмо с весьма оскорбительным для него стихотворением. Неизвестный автор его именовал Греча «поборником лжи и мрака», «генералом подлецов», литературным «мошенником» и т. д. Автор утверждал, что «судьба презренью предала» как самого Греча, так и его сотрудников. С негодованием он писал:

Весь брак литературы нашей,
Все, что в ней пошло и подло,
Все к вам сошлось в газете вашей...

Кем было написано это стихотворение, Греч не знал и потому не мог донести на его автора своим друзьям из III Отделения. Правда, позднее до Греча дошли слухи, будто автор возмутительного стихотворения обнаружен: говорили, что им оказался какой-то студент Главного

педагогического института по фамилии Добролюбов. Передавали, что у этого Добролюбова институтское начальство произвело обыск и обнаружило запрещенные издания и выписки из них, что директор института намеревался исключить его из числа студентов, но по настоянию некоторых из профессоров, высоко ценивших этого студента и предсказывавших ему блестящую научную будущность, отказался от своего намерения, ограничившись строгим выговором и предупреждением.

Вскоре после юбилея Греча окончил свое существование Николай I. По этому случаю Греч напечатал в своей газете раболопный и лживый панегирик, в котором без зазрения совести превозносил умершего как великого человека и монарха, облагодетельствовавшего своих подданных¹.

Через несколько дней после напечатания статьи Греч вновь получил письмо, содержание которого поразило его еще более, чем полученное в день юбилея стихотворение.

Письмо было написано в исключительно резком тоне. Автор писал об умершем царе с жгучей ненавистью, как о деспоте, нисколько не дорожившем интересами русского народа. Автор письма презирал Николая как мелкого человека с непомерными претензиями, как самовлюбленное ничтожество, не принесшее своей стране ничего, кроме страданий, горя и унижения. С презрением отзывался он и о православной церкви, обвиняя ее в том, что она сделалась слепым орудием в руках самодержца, а ее служителей — в лицемерии, низости, раболопстве и холопстве перед держащими властями. Не возлагал он никаких надежд и на преемника Николая. Наоборот, он высказывал убеждение, что от самодержца, каким бы он ни был, нельзя ждать ничего хорошего для народа именно потому, что он самодержец.

Приводим текст письма, полученного Гречем²:

Милостивый государь!

Вы, конечно, не стоите того, чтобы порядочный человек стал отвечать вам. Но мое негодование при чтении вашей статьи в «Северной пчеле» о смерти Николая Павловича было так сильно, что я решаюсь позабыть на несколько минут то глубокое презрение, какое всегда питал к вам, и унизиться до того, чтобы писать к вам, имея, впрочем, в виду не столько вас, сколько самое правительство, возбуждающее появление подобных статей.

Неужели вы думаете, что Русь до сих пор так простодушна и глупа, как была за пятьдесят лет тому назад, когда вы только что начинали еще свою позорную деятельность? Тогда вы могли спокойно уверять и уверить всех в вашем руссизме, могли увлечь квасным патриотизмом, могли безбоязненно проповедовать рабское подчинение деспотическим условиям Российской монархии и иметь успех так же, как имеет успех на церковной кафедре скучный проповедник, которого благочестивые слушатели слушают, зевая, и думают: правда, правда, — да ведь уж это все известно давным давно. Иная старуха, пожалуй, заплачет даже от скуки и умиления, а потом и пойдут слушатели кто в должность — брать взятки, кто в кабак — выпить, кто в гости — посплетничать. В доброе старое время все точно так же согласились бы с вами в законности тирании, безмолвно и безусловно, а между тем стали бы надувать начальство, воровать казен-

ные деньги и всеми мерами подличать пред первым временщиком. Теперь другое дело: Русь не освободилась еще от подобных злоупотреблений, потому что они неразлучны с неограниченным правлением одного; но она по крайней мере имеет слабость не считать всего этого законным, и уже много найдется в ней голов, готовых осудить всякое мошенничество.

Милостивому Товарищу!

Вот, конечно, и стало ясно, почему переписка с вами так интересна. Но все же разговоры при имени нашей страны в "Восточном Вестнике" и среди Николая Александровича так мало, что и пропали надежды на какое-нибудь участие в журнале. Конечно, надо и думать о Вост. и утешиться от того, что вы писали о Вост. и что, впрочем, я думаю не столько о Вост., сколько о нас. Правительством, впрочем, я думаю, не столько.

[illegible]

ПЕРВЫЙ ЛИСТ ПИСЬМА «АНАСТАСИЯ ВЕЛИНСКОГО» <Н. А. ДОБРЮЛОВА>
к Н. И. ГРЕЧУ ОТ 21 ФЕВРАЛЯ 1855 г.
Центральный исторический архив, Москва

хотя бы оно нашлось в самом обожаемом идоле российских монархистов, имеющем весьма мало отличия от древних египетских богов.

«Плачь, русская земля! Не стало у тебя отца», — говорите вы. Досталось бы вам за подобную дерзость при покойном Николае Павловиче. Как же не стало отца? А новый император? Разве он не отец? Или вы думаете, что он еще слишком молод для этого? Не бойтесь! Окруженный

подобными вам пестунами, и он преждевременно состарится, отстанет от века и будет сечь плетьюми и ставить на колени (с завязанными глазами) своих детей за то, что они не веруют более той святой истине, что рыбки пляшут на сковороде от радости при мысли, что царь будет их кушать.

Во всей вашей статье, с начала до конца, преобладает реторика. Напрасно не сделали вы ссылок на Кошанского или Ломоносова, как он сам делал это в одном из своих похвальных слов. Это было бы по крайней мере честнее. А то ведь, пожалуй, русский немец подумает (настоящий русский и настоящий немец не подумает), что покойник и в самом деле был и великий, и мудрый, и правосудный, и благочестивый. Что велик-то он был, это правда; но за то, кажется, достаточно вознагражден он уже тем, что гроб для него сделали в три аршина с половиной длины. Нечего было и толковать об этом. Мудрость его выразилась, может быть, в том, что он целый век позволял водить себя за нос иностранным дворам и потом за свои дипломатические неудачи отдувался боками русских солдат, которых для этого насильно исторгал из объятий жен и матерей. Правосудие его достаточно знает каждый правый человек, получавший из какой-нибудь палаты, суда или департамента указ его императорского величества императора и самодержца всероссийского о том, что его процесс проигран, что просьба его не исполнена, что с него требуют штраф, что он присужден к лишению таких-то и таких-то прав. Подобных людей наберется пол-России. Другая половина тоже знает его правосудие, потому что тоже указом его императорского величества императора и самодержца всероссийского утверждалось подделанное завещание, подложный вексель, оправдывалось намеренное банкротство, награждалось чинами и орденами самое отвратительное подличание, возвышались казнокрады и люди, торгующие самыми священными чувствами человека. Знают это правосудие и те многие благородные мученики, которые за святое увлечение благом России, за дерзновенное обнаружение в себе сознания человеческого достоинства терзаются теперь в рудниках или изнывают на поселении в пустынной Сибири.

Что касается его прославленного благочестия, оно не подлежит сомнению. Известно, что православная церковь и деспотизм взаимно поддерживают друг друга; эта круговая порука очень понятна. Я бы мог вам указать на то, что существует, кроме благочестия церковного, благочестие христианское, состоящее в братстве и любви, но вы этого не поймете, и я скажу вам только, что у нас благочестие подделывалось под царя, а не он следовал правилам благочестия. Какой-нибудь солдат Протасов³ управлял всей церковью русской, и в нем выражалась всегда воля святого духа, который вечно пребывает в церкви. Известно, что монах, и особенно русский монах, готов за орден продать Христа и отложиться от самых святых своих убеждений (если таковые имеются); покойник очень хорошо понял это и управлял архиереями точно так же, как ротой солдат. Ставили в митрополиты молчаливых, давали ордена за то, что архиерей представил из своего округа больше солдат из духовенства; давали им в епархиях право притеснять и терзать несчастных попов, которые в простоте души

своей виноваты во всех нелепостях православия ровно столько же, сколько ослы и овцы виноваты в том, что они ослы и овцы. По благочестию же эти две главы церкви подкупили Семашко ⁴, который из-за чести быть подручником Протасова не усомнился подвергнуть ужасам раздоров, беспорядков и мерзости запустения целых два миллиона униатов, вовсе не приготовленных к соединению с православием. Говорят, Клейнмихель ⁵ дал оплеуху какому-то архиерею. Не думаю, чтобы он забылся до такой степени; но уверен, что из всех существующих на Руси архиереев разве пяти-шести нельзя сделать этого, пользуясь покровительством царя!.. Царь у нас, как богдыхан,— и первый жрец, и первый сановник. Он, правда, не служит сам обедни; но это только потому, что не хочет. Зато что хочет, то он беспрепятственно делает в духовных делах; захотел, чтобы обедню для него сократили,— и сократили. Захотел, чтобы многие из праздников были уничтожены,— и послушный синод уничтожил их. Не захотел пускать детей дьячков в гражданскую службу,— и поневоле должны были, бедные, идти в мужики или прямо в солдаты. Не захотел он праздновать в великую пятницу именины своей супруги,— и св. Александра по его воле переехала на два дня вперед со своим праздником. И за все это русская церковь так уверила покойного в его святости, что, умирая, он уже не сомневался в себе, даже не просил <о> себе молить православных, а, напротив, сам обещал России свое высокое покровительство, с важностью утверждая, что он будет за нас молиться, хотя об этом никто и не просил его.

Вы говорите, что «он был народолюбив и народом любим». Не совсем удачная игра слов и совсем несправедливая игра мыслей! Пожалуй, можно сказать, что он любил народ, как паук любит муху, попавшуюся к нему в паутину, потому что он высасывал из него кровь,— как чиновник уголовной палаты любит преступление и преступников, без которых он не мог бы служить, брать взятки и жалованье,— как тюремщик любит арестантов, без которых ему самому некуда было бы деваться, потому что к другой должности он уже большею частью неспособен. В русском царе соединились все эти побуждения в высшей степени: как паук сосал кровь своих подданных, как уголовный чиновник находил пищу для своей деятельности в наказании преступлений и даже издал собственное уложение о наказаниях уголовных и исправительных, где, кроме того, что прежде считалось преступным, также объявил преступлением всякое проявление самосознания, всякую светлую мысль о благе и справедливости, всякое покушение защищать собственную честь против подавляющего тиранства и насилия,— а исправлением (держась пословицы, что горбатого исправит только могила) назначил смерть физическую или политическую. Как тюремщик, наконец, сторожил он свой народ, крепкие кандалы надел на русский ум, не выпускал путешествовать на свежий европейский воздух, как бывало прежде дозволено, не позволял даже узникам размениваться мыслями и понятиями с их родными братьями по мысли, установивши иностранную цензуру, которая, как высокий забор, отделила Россию от всех успехов мысли и науки европейской.

Не знаю, может быть, по-вашему, он достоин за все это венца небесного, но земной-то венец он носил тридцать лет совершенно недостойно, единственно благодаря тому, что крепка тюрьма русского народа и что в последнее время этот народ совсем отстал от людей и ничего не знает, что делается на свете.

Любил ли его народ, любил ли наш народ кого-либо из царей, любил ли какой-нибудь народ тиранов своих — это еще вопрос, который, не думаю, что бы мог быть решен в вашу пользу. Не воображаете ли вы, что вы с братиею составляете русский народ? В таком случае вы жестоко ошибаетесь. Знайте же, что для русского мужика царь есть отвлеченное понятие, самодовольное и всеблаженное, потому что имеет возможность «о д н о с а л о е с т ь». Для среднего сословия — это всевозможное великолепие, роскошь, золотой мундир, драгоценная порфира, семиверстный дворец — что за личность во всем этом открывается, до этого дела нет. Для аристократов — это опора, на которой утверждаются их собственные притязания и права, дающие им удобство делать всевозможные мерзости. В ком же можно подозревать любовь к царю? Не в вас ли? Поверьте, что вы любите не его, а разве чины и награды, которые он вам давал. Вспомните ваши чувства, когда Востоков ⁶ получил Станислава, а вы остались со своим комическим, осмеянным юбилеем. Разве не в том ли, может быть, видите вы любовь русского народа к царю, что солдаты прокричат: «рады стараться», проходя мимо царя церемониальным маршем: да ведь это форма, солдат стал бы кричать, если бы ему было приказано командиром: *à bas Nicolaus!**, совсем не понимая смысла этих слов. Или то удостоверяет в царелюбии, что около царя собираются многочисленные толпы, особенно в провинциях; да ведь толпы народа собирались около человека, который наблюдал с площади беззубую муху на Адмиралтейском шпигеле.

Вы утверждаете, что «Николай Павлович был любимым сыном неба». Не находясь в таких коротких сношениях с небом, как вы, не могу сказать, верно ли ваше замечание. Нам, земным людям, известно только, что он был любимым сыном Марии Федоровны, которая и постаралась отнять для него престол у Константина. Деятельное участие его в этих интригах доказывает, между прочим, его непоколебимую честность и правдивость, о которой вы отзываетесь с таким восторгом. Последующие события доказывают еще более его неустрашимость: в самом деле человек, который своего брата не устрасил отравить⁷ в благодарность за то, что он уступил ему царство, — такой человек имел много мужества и уж никогда, конечно, не мог остановиться на пути к цели из сожаления пролить невинную кровь нескольких десятков тысяч русских рабов.

Что «он не лишился веры в человечество», как говорите вы, — это, кажется, несколько не удивительно: имея под руками такой простодушный народ, как русский, трудно не веровать в ч е л о в е ч е с т в о, разумеется, понимая его в вашем смысле. Человечества в собственном

* Долтой Николая! — *Ред.*

смысле он не признавал; иначе он понял бы, что человек не может быть рабом человека, не может отступить от своей воли, чести, рассудка для того, чтобы повергнуть их к стопам барина, который сознательно или бессознательно мучит его, совсем не по-человечески.

Соображая все, чему я был свидетелем в большую половину царствования Николая, я нахожу, что в самом деле в нем сильно развит был фатализм, который вам угодно называть верою и преданностью к богу. К этому

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ и Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
«СОВРЕМЕННОСТЬ»

Картина маслом А. С. Гугеля

Художественная выставка 1950 г. Третьяковская галерея, Москва

фатализму отношу я и его поездку в Москву во время холеры. Если же и нет, то, как хотите, одно из двух: или он считал болезнь заразительною, и тогда его предприятие — глупое дон-кишотство, или не считал, и тогда... тогда эта поездка замечательна не более, как и ваша поездка за границу.

Грустно и совестно говорить мне о строках, в которых, конечно, против вашей воли, отразилась, как в зеркале, ваша подленькая натура. Вы не находите для частного человека других побуждений к исполнению долга, кроме желания наград и отличий и опасения ответственности. Вот истинно-монархическое рассуждение настоящего русского подданного! Вот на

чем утверждается сила и благополучие России! Хорошо было бы, если бы все мы руководствовались такими правилами в наших служебных отношениях! До чего может опоплеть и измелиться человек с этими царственными началами! Ваше превосходительство! замолчите, пожалуйста, на всю жизнь, вы не подвергнетесь ответственности за это, и даю вам слово, что положу на ваш гроб Андреевскую цепь; пусть ваша душа запрыгает от радости на том свете.

«Как кстати умел он награждать!» — восклицаете вы... Да, нельзя не согласиться: кстати отказался он от выгод частных акций, чтобы дать Клейнмихелю построить Московскую железную дорогу⁸; кстати дал Бибикову неограниченную власть в киевском округе⁹; кстати посылал сыновей на Кавказ и в Крым за Георгием¹⁰; кстати посылал Паскевича против неприятелей в прошлом году¹¹; кстати Орлову дал графство и посадил его в III Отделение¹²; кстати разрешил юбилей темному грамотею Гречу...; кстати поставил Антония митрополитом в Петербург; кстати и Панин попал в юстицию¹³; кстати все эти Адлерберги, Пушкины, Назимовы¹⁴ поставлены на своих местах! Величайший остроумец в мире не придумал бы такого затейливого маскарада, какой представляют все эти сановники; так сказать, помещенные на верхних ступенях государственной иерархии. Впрочем, с другой стороны, нельзя не вспомнить и того, как сослан был на Кавказ генерал, дважды взявший царя в плен на маневрах; нельзя не вспомнить о благоволении, какое оказано было Ермолову, о награде гениальному Дибичу¹⁵. Нельзя не вспомнить ссылки Пушкина и Лермонтова, смерти повешенного после прощения Рылеева¹⁶, высланного Искандера, да мало ли кого можно вспомнить. Дело в том, что это сделалось очень кстати, и уж именно на удивление и позор своим и чужим.

Помню и рыцарское его великодушие в восстании декабристов, в польских делах 1831 г.¹⁷, в заговоре 48 года¹⁸. В самом деле, сколько великодушия! Там его величество державным словом обещает забыть все и возвратить имущество изгнанникам: только жаль, что его слову уже не верят, и славный Чарторижский и доселе не посмел воспользоваться правом, обеспеченным надежным ручательством русского царя¹⁹. В другом случае он в с е м и л о с т и в е й ш е повелевает сослать бедных молодых людей на всю жизнь в каторжную работу, лишая их даже счастья славно умереть за святое, правое дело. В отношениях к другим державам он выказал не только великодушие, но и любовь к своему собственному народу. В самом деле, вспомните египетские дела. Не великодушно ли, не благородно ли было, только что кончивши кровавую войну с султаном, — вдруг грудью стать за него, обрекать вновь на жертву смерти свои изуренные войска, употреблять все средства своей топорной политики для того, чтобы поддержать его против Магомеда-Али, этой великой личности, так много обещавшей для цивилизации Востока? ²⁰ Не великодушно ли было поддержать австрийского царя против движения свободной мысли и губить тысячи из своего народа, чтобы только не дать восторжествовать правому делу? Не благородно ли, не чисто ли по-христиански было содействовать восшествию на престол Луи Наполеона и поддерживать его против той

фамилии, которой столько покровительствовал в прежнее время русский же царь? Не показывает ли все это невиннейшее, баранье незлобие, забвение обид, любовь к врагам — только не своим, а своего народа и человеческих прав?.. Настоящий средневековый рыцарь или, еще лучше, пламенный юноша, спасающий лоретку Невского проспекта от преследований хорошенького офицера.

А твердость-то в убеждениях!.. О, это деревянная, каменная твердость!!!.. Неподвижность истинно китайская!!!.. Да, впрочем, я подозреваю, что в этой голове нечему было и двигаться. Единственное возможное в его понятиях движение, это было движение и передвижение войск. Ему он посвятил всю свою жизнь и думал, что чем более он будет казаться солдатом, тем счастливее будет его народ; чем более будет терзать несчастные семейства земледельцев рекрутскими наборами, тем прочнее будет благосостояние России, тем непоколебимее стоит ее могущество. Солдат по призванию, солдат по образованию, по наружности и по внутренности, — он ничего не знал и не хотел знать, кроме военной дисциплины. И будто этот человек мог наблюдать за строгим исполнением долга каждым членом государства!!! Что вы? Да как он мог знать и понимать, хорошо ли идут дела государственные, знают ли свое дело чиновники, учителя, духовные и проч.??? Неужели вы настолько близоруки, что не видите даже того, что у него шил сапоги непременно пирожник, а сапожник в свою очередь обращен был в пирожника? Не видите ли вы, что солдат управлял у него русской церковью; солдаты управляли народным просвещением; солдаты служили дипломатами; солдаты наблюдали за внутренним спокойствием и благосостоянием? В последние минуты жизни он вспоминал о своих солдатах и просил у них прощения, что не успел сделать для них всего, что хотел. О России он забыл или, может быть, думал, что она вся заключается в его войске. Интересно было бы видеть, что еще хотел он сделать. Вероятно, поставил бы унтер-офицеров митрополитами и попами служить ему обедню, по барабану, да посадил бы их на профессорские кафедры в университетах! И то ведь уж заставил маршировать студентов; желал бы я посмотреть еще марширующих монахов!!!

Да еще куда бы ни шло, если бы солдат-то был, по крайней мере, хороший! Карл XII тоже был солдат; но в нем как-то уважаешь эту львиную отвагу, этот военный гений, который осмыслял несколько его пристрастие и увлечение войной. Фридрих тоже был солдат; но за то прусская армия была при нем первой армией в мире. Не говорю уже о Наполеоне, который был велик и на войне, и в мире, — и как полководец, и как законодатель. А наш покойник только и ограничивался тем, что каждый год требовал новых рекрут из святой Руси, посылал их умирать за немецких королей, делал смотры, на которых отличался высоким ростом да громким голосом — и больше ничего!.. Целое царствование не мог он управиться с черкесами и в тридцать лет не мог привести свое войско в такое положение, чтобы оно могло с успехом встретиться в чистом поле с солдатами образованных европейских наций. Величается тем, что бьет турок и персиян, а явился английский флот, и ни один корабль русский не смел выйти

из своей гавани. Высадились союзники, и вот полгода губит наш к а и р а л свое войско в Крыму; подвергает невозможным бедствиям несчастных жителей, и до сих пор дожидался, кажется, очень жестокой зимы, чтобы заморозить, как в 12 году, своих врагов, да потом и возвеличить свою мудрую распорядительность. Покойный воображал в этом деле выигрыш себе несколько миллионов славянского населения, находящегося под чужеземною властью. Недоставало только сметки у его величества, что славянские народы довольно хорошо знают его, что, если даже придется им менять турецкое подданство на русское рабство, так и тут они еще подумают.

Вы заканчиваете свою статью испрошением благословения сыну царя и всей в е л и к о й семье его. Вероятно, непамеренно, но вы жестоко сострили над ним. Дело в том, что царская семья действительно, говорят, не ограничивается теми членами, которые перечисляются в календарях. Маленькие графы Клейнмихели, говорят, правильнее могут быть названы Kleinnikolaus. Говорят еще, что благочестивому царю святейший синод дал вечную индульгенцию на все подобные обстоятельства. За то и он сам, с примерным великодушием прикрывая грешки своей дочери, дал свою фамилию незаконным детям Марии Николаевны.

Немудрено, что он надеется повалиться прямо в объятия божии на том свете. Он и здесь считает себя чем-то очень близким к божеству. Но ведь известно, что божества бывают разного рода — superioris et inferioris ordinis * — притом небесные, водные и подземные. Мне кажется, что ему подстать будет сидеть на престоле с каким-нибудь Плутонем из черного древа.

Русские надеялись на его сына, но эта надежда очень шаткая. Трудно сыну отрешиться от прежних отеческих правил. Для этого нужно много ума и силы воли. А еще не известно, в какой степени он наделен ими: если и захочет показать их, так, пожалуй, опозорит себя, доказавши только свои претензии и бессовестное упрямство. Да при том статейки, подобные вашей (разумеется, в тысячу раз умнее), не замедлят появиться и окончательно собьют его с толку, заставят забыть, что есть суд истории, что он обязан отчетом перед самим собою и перед целым народом, если осмеливается принимать управление над ним, что он должен угождать народу, а не народ ему, — все это он забудет.

И что за страшная, непостижимая связь, что за отношение между народом и царем!.. Должен быть царь, — уж это так, как должен быть конек на крыше у крестьянина! А зачем?!.. Да хоть бы царь-то хороший! А то — и не избранный, и не русский, и не отличный ничем, а так, какой попался!.. Странно, как столько времени люди не могут подняться из грязи предрассудков. А впрочем, что ж такое? Считали же, бывало, кита царем рыб, да и теперь еще некоторые считают; а между тем он вовсе даже и не рыба.

Анастасий Б е л и н с к и й

21 февраля 1855 года

* По римской мифологии боги делились на два ранга: высший и низший. — *Ред.*

С ужасом читал Греч это послание. Он понимал, что не случайно оно подписано фамилией Белинского: автор письма, несомненно, хотел показать, что он принадлежит к числу людей, политические убеждения которых складывались под влиянием сочинений знаменитого критика и публициста. Было совершенно ясно, что он смотрел на себя как на продолжателя дела, начатого Белинским. Это подтверждало и имя, избранное им для себя. Филологу по специальности, Гречу нетрудно было догадаться, что автор письма подписался Анастасием потому, что по-гречески это имя обозначало: **в о с к р е с ш и й**. И так, **в о с к р е с ш и м** **Б е л и н с к и м** именовал себя автор и притом с полным основанием. Недаром его письмо по своей революционной страстности и ненависти к произволу невольно заставляло вспомнить знаменитое письмо Белинского к Гоголю, которое, хотя в то время и не могло быть напечатано, но получило в русском обществе широкое распространение в бесчисленных рукописных копиях.

Греч решил немедленно сообщить о полученном им письме управляющему III Отделением Дубельту. Зная, что в утренние часы Дубельт обычно бывает на дому у своего начальника гр. А. Ф. Орлова для доклада, Греч решил, чтобы не терять времени, направить письмо Дубельту прямо в дом Орлова. Вот что писал Греч:

Милостивый государь
Леонтий Васильевич.

Получив сейчас, по городской почте, не знаю от кого, ужаснейшую яacobинскую статью, должен почтительно препроводить ее к вашему превосходительству, и чтобы она дошла скорее, посылаю ее в дом его сиятельства графа Алексея Федоровича. Могу только прибавить, что почерк руки, которой написана она, мне вовсе не известен.

4 марта 1855, девять часов до полудни.

О впечатлении, произведенном на Дубельта посланием Анастасия Белинского, можно судить по надписи, сделанной им на изготовленной в III Отделении копии этого послания. Надпись эта не отличалась грамотностью: «при мерзкое письмо».

Надо ли говорить о том, как страстно хотелось Дубельту добраться до автора ужасного документа? Сохранились две собственноручные записки Дубельта, показывающие, в какую сторону были направлены им розыски и какие меры распорядился он принять, чтобы воспрепятствовать распространению послания Анастасия Белинского в обществе.

Первая из этих записок, написанная карандашом и местами не поддающаяся прочтению, гласила:

«Кто писатели?

Какие нам известны писатели? Каких мы призывали?

Перлюстрировать всех Гр. <? — Б. К.>. Обязать Греча... <одно слово не разобрано>.

Греч.

Должен быть участник „Отечественных записок“.

Пройдет все журналы и уведомит».

Как видим, Дубельт подозревал, что письмо, полученное Гречем, написано кем-то из писателей. Вот почему он поручил своим подчиненным выяснить, какие писатели известны III Отделению и какие вызывались на допрос в это учреждение. Вместе с этим Дубельт пригласил к себе Греча и имел с ним разговор по поводу злонамеренного письма. Греч

высказал Дубельту предположение, что автором письма должен быть кто-нибудь из сотрудников «Отечественных записок». Не ограничиваясь этим, Греч обещал обойти все журналы и выяснить, не известно ли в их редакциях чего-либо о полученном им письме и его авторе.

Дубельт стремился в самом письме найти какие-нибудь указания относительно его автора. Его соображения по этому вопросу были зафиксированы им во второй из его собственноручных записок.

Вот ее содержание:

«1. Остервенение сочинителя злостной статьи дает сомнение, что он из здешних журналистов и враг Гречу,

2. что он из поповичей, в этом я почти не сомневаюсь, и что он ученик Московского или Петербургского университета, первое потому, что он ударил сильно на Протасова и на все высшее духовенство, а другое, что он ни к селу, ни к городу упоминает о Пушкине и о Назимове,

3. что ему 35 или 40, не больше, ибо он сам упоминает в своих бреднях, что он сам был свидетелем большую половину царствования покойного государя,

4. что он должен быть не из дюжинных писателей, пишет резко и, по моему мнению, человек бессовестный, но по дерзости и правилам человек весьма опасный, и не удивлюсь, если он свою статью пошлет для напечатания в Лондон в типографию Герцена,

5. подписав Белинский, он ясно доказывает, к каким он принадлежит».

Все эти соображения и размышления Дубельта, свидетельствующие о том, как сильно он был заинтересован письмом Анастасия Белинского и с какой настойчивостью пытался разгадать, кем это письмо было написано, не привели к желательным для Дубельта результатам: автора письма обнаружить не удавалось.

Безрезультатными оказались и меры, принятые III Отделением по распоряжению Дубельта. Две докладные записки, сохранившиеся в деле III Отделения, знакомят нас с этими мерами.

Чтобы зловерное письмо не проникло в Лондон к Герцену, все письма, адресованные за границу, стали подвергаться перлюстрации. Но эта мера ни к чему не привела. «Корреспонденция эта,— констатировало III Отделение,— обнаруживает только скорбь и хорошее расположение к нашему правительству».

Агентам III Отделения удалось установить, что письмо, полученное Гречем, было подано в мелочной лавочке на Выборгской стороне (в то время почтовых ящиков не существовало, и отправляемые по почте письма сдавались в установленных местах: магазинах, конторах и т. п.). Хозяину лавочки было предложено внимательно следить за подателями писем. Ввиду того что, по его объяснению, в его лавочку подают письма только из госпиталя и Медико-хирургической академии, от начала века академии были затребованы в III Отделение образцы почерков всех студентов академии. Поступило около 800 образцов. Но среди них не нашлось ни одного похожего на почерк, каким было написано письмо, полученное Гречем.

Чиновниками III Отделения был составлен список живущих в Петербурге лиц, «более или менее известных своими литературными трудами». В этом списке значились фамилии: Краевского, Никитенко, Некрасова, Панаева, Кони, Сенковского, Старчевского, редактора «С.-Петербургских ведомостей» Очкина, редактора «Полицейских ведомостей» Фурмана, Анненкова, Кукольника и Тургенева. Кроме того, в списке было указано, что в журналах и газетах встречаются имена: Ордынского, Стасюлевича, Введенского, Кавелина, Крестовского, Лазаревского, Гаевского и многих

других. Помимо этого списка, Дубельту были представлены дела III Отделения, касавшиеся литераторов, заподозренных в политической неблагонадежности: Краевского, Никитенко, Некрасова, Панаева и Кони. В делах этих имелись образцы почерков этих литераторов, но среди них также не нашлось похожего на тот, каким было написано письмо, подписанное Анастасием Белинским.

Дубельт должен был сознаться в своей неудаче и отказаться от надежды обнаружить виновного и покарать его. Дело пришлось прекратить.

* * *

Как мы видели, анализируя письмо, полученное Гречем, Дубельт пришел к заключению, что оно было написано, вероятно, каким-либо литератором «не из дюжинных». Перебирая писателей, пользовавшихся в то время известностью, Дубельт не мог найти в числе их ни одного, кого можно было бы заподозрить в авторстве злонамеренного письма. Возможно, конечно, было предположить, что оно написано человеком, обладающим недюжинным литературным дарованием, но не имеющим пока еще имени в литературе. Однако такое предположение, если даже оно и приходило в голову Дубельту, не могло помочь ему в розысках виновного. Но оно может помочь нам.

Революционные убеждения автора письма дают основание искать его среди тех людей, которым в ближайшее же время предстояло выдвинуться как ведущим писателям революционно-демократического лагеря.

Среди этих же людей, в качестве наиболее вероятного автора интересующего нас письма, приходится назвать Н. А. Добролюбова. При чтении этого письма невольно вспоминается стихотворение, написанное Добролюбовым на юбилей Греча. И то и другое произведение проникнуто безмерным презрением к редактору «Северной пчелы». Объясняя, почему он решил написать стихотворение на юбилей Греча, Добролюбов писал: «Подлости старичков, подвизающихся в „Северной пчеле“, раздражали меня как нельзя более»²¹. В студенческие годы Добролюбов внимательно следил за деятельностью презираемых им «старичков». В том же 1855 г., когда было написано письмо Анастасия Белинского, Добролюбов вел записи под названием «Закулисные тайны русской литературы и жизни». Среди таких «тайн» он отвел большое место различным эпизодам, связанным с Гречем²². Имя Греча не раз встречалось и в рукописном журнале «Слухи», который, также в 1855 г., Добролюбов выпускал в Педагогическом институте. Все это дает основание думать, что он мог заинтересоваться статьей Греча о Николае I и решиться ответить на нее. Характерно и одно бросающееся в глаза совпадение: Анастасий Белинский называет Греча «русским немцем». «Немцем обруселым» назвал его Добролюбов в стихотворении на его юбилей.

Автор письма, полученного Гречем, с ненавистью относился к Николаю I, видя в нем гнуснейший образец деспота и опаснейшего врага русского народа. Так именно смотрел на Николая и Добролюбов. Он называл его «ужаснейшим тираном», «неумолимым и ненасытным, скажем больше, — воплощенным деспотом». В упомянутой выше рукописной газете «Слухи» он обвинял Николая I в «мелочном самолюбии», в «жестокости, невежестве, эгоизме». «Не лист и не два, а несколько томов можно наполнить рассказами его ужасных, отвратительных деяний», — писал Добролюбов²³. В «Оде на смерть Николая I» Добролюбов обвинял царя в том, что он сосал «по каплям кровь» России, в том, что «всю жизнь стремился он, чтоб сделать Русь машиной», в том, что он «возвеличил лишь военный деспотизм», в том, наконец, что он «грабил нашу Русь» и «немцам продавал на жертву наш народ»²⁴.

Добролюбов придавал громадное политическое значение разоблачению Николая I и его деспотизма и опровержению тех славословий по адресу умершего царя, которые раздавались в тогдашней русской прессе. В рукописной газете «Слухи» Добролюбов почти в каждом номере говорил о произволе Николая I. Помимо того, он поместил в этой газете две статьи, специально посвященные умершему императору: одна из них, занявшая два номера «Слухов» (№№ 6 и 8), содержала общую характеристику его царствования, другая же, помещенная в № 15, носила название «Разврат Николая Павловича и его приближенных любимцев». «Всякому известно, — писал в этой статье Добролюбов, — что Николай пользовался репутацией неистового рушителя девических невинностей»²⁵. Мы знаем уже, что этой теме коснулся и автор письма, полученного Гречем.

Он, как мы видели, указывал, в частности, на то, что маленьких Клейнмихелей правильнее было бы именовать Kleinnikolaus. В только что названной статье Добролюбова мы находим комментарий к этому указанию автора письма. Вот что рассказывает здесь Добролюбов:

«Известно возвышение Клейнмихеля сначала за сестру, а потом за воспитание незаконных детей Николая Павлыча. Говорят, что графиня Клейнмихель надевала на себя особенное подвязное брюхо, чтобы показать, что она беременна. Потом, когда наступало время родить для *maîtresse* императора, графиня делалась больна, потом приносили к ней новорожденного, брюхо сбрасывалось и миру являлся новый маленький *quasi*-Клейнмихель»²⁶.

Автор письма упоминал о том, что дочь Николая Марья Николаевна не уступала отцу по своему безнравственному поведению. В статье Добролюбова можно найти описание ряда эпизодов, подтверждающих сказанное в письме²⁷. Автор письма обвинял Николая в том, что он «не устранился отравить» своего брата Константина «в благодарность за то, что он уступил ему царство». В «Оде на смерть Николая I» Добролюбов называл умершего царя «братоубийцей».

Да, тридцать лет почти терзал братоубийца
Родную нашу Русь²⁸...

Иронизируя над Гречем, назвавшим Николая великим, автор письма писал: «Что велик-то он был, это правда; но за то, кажется, достаточно вознагражден он уже тем, что гроб для него сделали в три аршина с половиной длины». В статье о Николае, помещенной в № 6 «Слухов», Добролюбов называл Николая «трехаршинной колонной с <...> львиным рычаньем и звериной физиономией»²⁹.

Автор письма упоминал о генерале, отправленном на Кавказ в наказание за то, что он во время маневров взял в плен императора. В дневнике Добролюбова мы находим такую запись: «Муравьев послан был на Кавказ за то, что разбил на маневрах Николая Павловича»³⁰.

Дубельт обратил, как мы видели, внимание на то, что автор письма упомянул — «ни к селу, ни к городу», по мнению Дубельта, — про почитателей учебных округов московского Назимова и петербургского Мусина-Пушкина. Дубельт почему-то усмотрел в этом доказательство того, что письмо написано «учеником» Московского или Петербургского университета. Добролюбов не был учеником ни Московского, ни Петербургского университета. Это не мешало ему, однако, проявлять большой интерес к Назимову и Мусину-Пушкину. Описанию их деятельности он посвятил №№ 13 и 14 «Слухов»³¹. В дневнике его мы находим запись некоторых эпизодов, характеризующих мракобесие Мусина-Пушкина³².

Мы уже указывали, что автор письма, полученного Гречем, не питал никаких надежд в связи с восшествием на престол нового императора.

В этом отношении он резко расходился с громадным большинством русских людей того времени, не исключая даже Герцена. Расчеты на то, что перемена царя приведет к коренному изменению правительственной политики, были весьма широко распространены. Автор же письма не строил на этот счет никаких иллюзий. «Русские надеялись на его сына,— писал он, имея в виду преемника Николая Александра II,— но эта надежда очень шаткая. Трудно сыну отрешиться от прежних отеческих правил. Для этого нужно много ума и силы воли. А еще не известно, в какой степени он наделен ими».

Добролюбов был одним из немногих людей того времени, придерживавшихся именно такого взгляда. Его товарищ по Педагогическому институту М. Шемановский в воспоминаниях рассказывает про день смерти Николая I: «Вечером Добролюбов, встретившись со мной в рекреационной комнате, сказал: „Не хочешь ли прочесть стихи?“ — „Твой?“ — „Мои“. — Я взял и стал читать». Это была «Ода на смерть Николая I». Она начиналась так:

По неизменному природному закону,
События идут обычной чередой:
Один тиран исчез, другой надел корону,
И тяготее вновь тиранство над страной.³³

Приведя эти строки, Шемановский продолжает свой рассказ:

«„Ну, что?“ — спросил он, когда я кончил.

„Ничего, хорошо. Только зачем ты предрекаешь страдания при сыне<...> Ведь, по слухам, он, хоть и пьяница, а с хорошим сердцем?“

„Дело тут не в человеке, а в царе...“³⁴.

Как видим, молодой студент Добролюбов прекрасно разбирался в сложившейся в то время в нашей стране политической обстановке и умел проныцательно предугадывать будущее. К событиям того времени он подходил как убежденный революционер, непоколебимо уверенный в том, что от деспотизма не приходится ждать ничего хорошего для народа.

Совокупность приведенных нами соображений и сопоставлений дает основание высказать весьма обоснованное предположение, что автором письма, подписанного А н а с т а с и й Б е л и н с к и й, был Добролюбов. Надо, однако, добавить, что существует одно обстоятельство, превращающее догадку, высказанную нами, в полную уверенность.

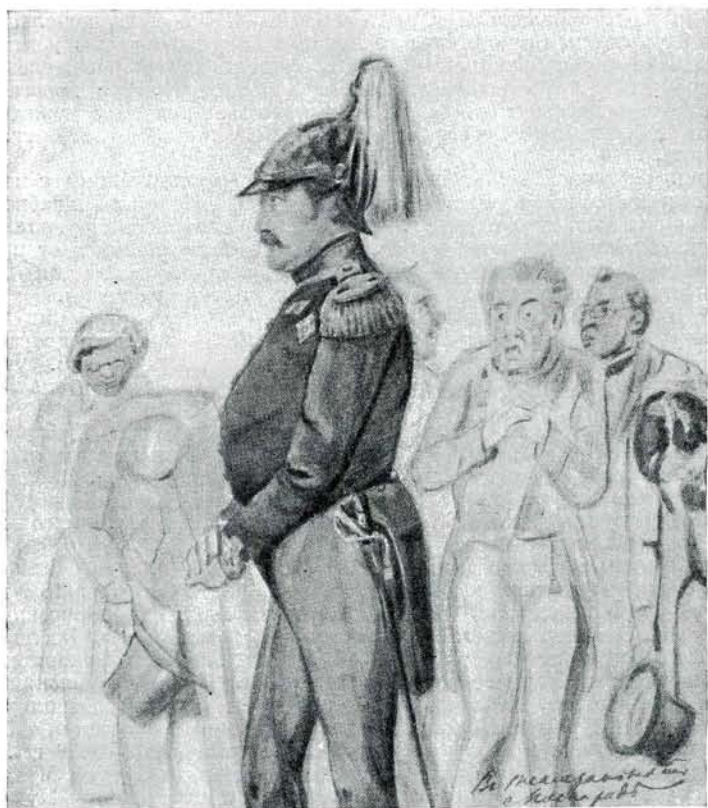
В статье «Николай I», помещенной в № 8 «Слухов», Добролюбов рассказывал между прочим о поездке Николая I в Москву во время холеры. «Многие, в том числе и Греч,— писал Добролюбов,— восхваляли нашего рыцаря за неустрашимость, с которой он решился для ободрения народа броситься в объятия опасной и неизвестной тогда повальной болезни. На этот счет вот что сказано было в о д н о м а п о к р и ф и ч е с к о м п и с ь м е к Н. И. Г р е ч у».

И далее Добролюбов приводил следующую цитату из этого «апокрифического письма»: «как хотите, одно из двух: или Николай Павлович, действуя таким образом, считал холеру заразной, и тогда его предприятие есть не что иное, как глупое донкихотство, оправдываемое только разве русским „авось“, или он знал, что болезнь эта незаразна, и тогда... тогда поездка его в Москву ничуть не более замечательна, как и ваша поездка за границу»³⁵.

Эта цитата, с некоторыми малосущественными изменениями, повторяет то, что мы уже читали по поводу поездки царя в Москву в письме к Гречу. Из этого ясно, что письмо, подписанное Анастасием Белинским, было хорошо известно Добролюбову; именно этот документ он и назвал «апокрифическим письмом».

Каким же образом Добролюбов мог знать это письмо? В отличие от стихотворения на юбилей Греча, разошедшегося тогда в большом количестве

списков, письмо Анастасия Белинского не получило распространения. Копий этого письма до сих пор не было найдено ни в одном из наших архивов и хранилищ рукописей. Именно поэтому оно и не было до настоящего времени никому известно. При таких условиях и принимая во внимание все соображения, приведенные выше, можно утверждать, что письмо, полученное Гречем, было написано Добролюбовым. Несомненно, что Добролюбов намеревался распространить его так же широко, как он распространил свое стихотворение на юбилей Греча. Однако что-то помешало ему привести в исполнение это намерение. Можно выразить догадку,

КАРИКАТУРА НА НИКОЛАЯ I

Акварель В. В. Самойлова, 1840-е гг.

Литературный музей, Москва

что обыск, произведенный у него по распоряжению директора Педагогического института, побудил его соблюдать максимальную осторожность. Добролюбов не мог не понимать, что обнаружение его авторства неминуемо грозило ему осуждением на каторгу.

Письмо Анастасия Белинского к Гречу является весьма ценным и интересным пополнением ранее известного нам литературного наследия Добролюбова. Оно крайне важно в том отношении, что, в сопоставлении с другими произведениями Добролюбова того же времени, показывает, как рано сложились его революционно-демократические убеждения. Оно, наконец, является новым и замечательным подтверждением той выдающейся роли, которую играли в выработке этих убеждений великие революционные традиции Белинского.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья «18 февраля 1855 года» (за подписью: *Н. Гр.*), начинающаяся словами: «Плачь, русская земля! Не стало у тебя отца». — «Северная пчела», 1855, № 59, от 21 февраля.

² Письмо это, как и другие приводимые документы, заимствовано из дела III Отд., 1 эксп., 1855 г., № 75. «По письму действительного статского советника Греча с представлением безымянного письма преступного содержания» (ЦГИА).

³ Николай Александрович Протасов (1799—1855) — обер-прокурор синода.

⁴ Иосиф Семашко (1798—1868) — архиепископ литовский, главный деятель по присоединению к православной церкви униатов.

⁵ Петр Андреевич Клейнмихель (1793—1868) — министр путей сообщения в 1842—1855 гг., прославившийся неимоверным казнокрадством.

⁶ Александр Христофорович Востоков (1781—1864) — филолог-славист.

⁷ Слух об отравлении Константина не находит документального подтверждения.

⁸ Николай I отклонил предложения о поручении постройки железной дороги между Петербургом и Москвой акционерным обществам. Эта дорога обошлась правительству очень дорого и открыла Клейнмихелю возможность нажиться.

⁹ Дмитрий Гаврилович Бибилов (1792—1876), в 1852—1855 гг. — министр внутренних дел.

¹⁰ Во время Крымской войны сыновьям царя, не принимавшим в ней участия, были пожалованы ордена Георгия, дававшиеся за выдающуюся храбрость.

¹¹ Фельдмаршал Паскевич в 1854 г. был назначен главнокомандующим русскими войсками, действовавшими против турок, но фактически уклонился от руководства.

¹² Алексей Федорович Орлов (1786—1862) во время восстания декабристов принимал участие в его подавлении и за это получил титул графа.

¹³ Виктор Никифорович Панин (1801—1874) — министр юстиции с 1841 г.

¹⁴ Владимир Федорович Адлерберг (1790—1884) — министр двора. — Михаил Николаевич Мусин-Пушкин (1795—1862) — попечитель Петерб. учеб. округа с 1845 г. — Владимир Иванович Назимов (1802—1874) — попечитель Моск. учеб. округа с 1849 г.

¹⁵ О «благоволении» Николая I к Ермолову и «гениальности» Дибича говорится иронически. Алексей Петрович Ермолов был уволен Николаем в отставку из-за популярности, которой он пользовался в войсках, пугавшей царя. Дибич же был у Николая в большом почете хотя и не отличался особыми военными талантами.

¹⁶ Николай I поручил передать Рылеву, что он прощает его, но это не помешало царю подписать Рылеву смертный приговор.

¹⁷ Имеется в виду польское восстание 1830—1831 гг.

¹⁸ Повидимому, речь идет о деле петрашевцев, осужденных в 1849 г.

¹⁹ Адам Чарторижский (1770—1861) — польский политический деятель, ближайший советник Александра I и министр иностранных дел. После революции 1830 г. в Польше Чарторижский стал во главе польского правительства как представитель умеренной аристократической партии. После подавления восстания эмигрировал во Францию, где прожил до смерти, не пожелав воспользоваться амнистией, объявленной русским правительством участникам восстания 1830—1831 гг.

²⁰ Автор письма имеет в виду русско-турецкую войну 1828—1829 гг., закончившуюся победой России, а затем выступление наместника Египта Мухаммеда-Али против султана в 1833 г. Николай I, усмотревший в выступлении Мухаммеда-Али проявление революционного духа, послал русские войска на помощь султану. Высокая оценка Мухаммеда-Али со стороны автора письма объясняется тем, что Мухаммед-Али провел в Египте ряд реформ по западноевропейскому образцу.

²¹ «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», т. I, М., 1890, стр. 230.

²² Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. VI, М., 1939, стр. 399—402.

²³ Там же, т. IV, М., 1937, стр. 439—440, 442—443.

²⁴ Там же, т. VI, стр. 227—228.

²⁵ Там же, т. IV, стр. 451.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, стр. 452.

²⁸ Там же, т. VI, стр. 227.

²⁹ Там же, т. IV, стр. 439.

³⁰ Там же, т. VI, стр. 406.

³¹ Там же, т. IV, стр. 448—451.

³² Там же, т. VI, стр. 416—417.

³³ Там же, стр. 227. Шемановский приводит это четверостишие в несколько измененном виде, но основная мысль и в его варианте остается та же самая.

³⁴ М. И. Шемановский. Воспоминания о жизни в Главном педагогическом институте 1853—1857 годов. — «Лит. наследство», т. 25-26, 1936, стр. 288.

³⁵ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. IV, М., 1937, стр. 442.